

7 МАЯ 1972

I.

Каждое расставание печально. А тут уходило лето и уносило с собой спелые запахи трав, беспечность, уют тайги и еще один год нашей жизни. Оттого, наверное, нам взгрустнулось. Мы молчали. Говорить никому не хотелось. Каждый думал о своем сокровенном. Личном.

Но вдруг какой-то далекий звук заставил всех насторожиться, привстать. Звук доносился откуда-то сверху. Почти из-под самого неба. С каждой секундой он приближался, становился отчетливее, янее, пока не заполнил все пространство от неба до реки. То были журавли.

— Вот и журавли полетели, — промолвил кто-то. И журавлю неуютным показался и наш бивуак, и лес, окружающий палатку, и река, плескавшаяся в трех шагах. Дохнуло сыростью, которую прежде не замечали, прохладой. И еще горше, тоскливее стало на душе.

В такие секунды понимаешь, сколько ты растерял, утратил, не сберег. Сколько ушло безвозвратно, навсегда, навечно. А виноват в этом ты и только ты. И больше никто. Но ты уже ничего не можешь поделать и только смотришь вверх.

Так уж устроен человек, что поверил, будто птицы унесут с собой частицу наших жизней, капельку нас самих. Год за годом. Оттого глядят журавлям в след с болью и надеждой. А длинные стаи с печальным курлыканьем исчезают в предвечернем тумане. Для многих навсегда.

Даже песни о журавлях — прустные, выстраданные, печальные. Много таких песен. Лучшая из всех — на слова Расула Гамзатова. Как старики-горцы умеют понимать язык родников, носящих имена погибших, так и мудрый аварец сумел расслышать в журавлином кличе, чистом, как родниковая вода, прощальные голоса навсегда ушедших из этого мира.

Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю нашу полегли когда-то, А превратились в белых журавлей. Они до сей поры, с времен тех давних Летят и подают нам голоса. Не потому ль так часто и печально Мы замолкаем, глядя в небеса? Я проверял: люди замолкают, бросают все дела, слу-

шают до конца, потом молчат или тяжело вздыхают. И, поверьте, сами невольно тянутся взглянуть вдаль, как будто там действительно курлычат журавли.

II.

«Журавли» — песня Марка Бернеса. Она будет всегда его песней, хотя слова и музыка созданы другими людьми. С легкой руки Бернеса песня стала поистине народной. Только нелегко ему далась эта последняя

О журавлях, БЕРНЕСЕ и памяти

запись. Мы теперь знаем: превозмогая чудовищную боль, Бернес поднялся с постели, поехал на студию грамзаписи и спел свою прощальную песню. Бернесу оставалось жить полтора месяца.

Только большому артисту под силу взять чужой текст и музыку, сделать своими и, опираясь на истину чувств, заставить слушателей поверить в слово, откликнуться на него. Бернесу удавалось это. По словам Константина Ваншенкина, Бернес знал, что ему нужно, потому что он знал, что нужно людям. И люди находили в бернесовских песнях то, что хотели услышать, что волновало их, очищало, делало лучше, сильнее.

...Мне посчастливилось видеть и слышать Бернеса в жизни. Он участвовал в большом концерте для делегатов Всесоюзного слета молодежи «Дорогами отцов-героев». Слет проходил в Москве, а концерт состоялся на стадионе ЦСКА. Артисты сходили на импровизированную сцену... с экрана. Больше всех аплодисментов выпало на долю Руслановой и Бернеса.

Бернес вышел и запел «Темная ночь, только пули свистят по степи...» Над стадионом стало тихо. Это казалось, что тихо. Люди плакали. Ветераны вспоминали свою юность и свою молодость. А мы — нелегкое военное детство.

Мелодия оборвалась, но еще долго молчал стадион, покоренный артистом. А потом — море аплодисментов. Бернеса не отпускали, требовали исполнить еще что-нибудь. Одна из трибун сначала робко, а затем все дружнее и дружнее скандировала: «Враги сожгли родную хату! Враги сожгли родную хату!»

Бернес не мог понять, что просят. Когда ему все-таки объяснили, он подошел к микрофону, подумал несколько секунд, и мы услышали его мягкий неповторимый голос: «Нет, друзья. Я спою для вас «Москвичей». Эта песня о моем поколении, обо мне. Не забывайте о нем...» И запел: «В полях, за Вислой темной, лежат в земле чужой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...»

Многие хотели услышать входившую тогда в популярность «Враги сожгли родную хату», а Марк Наумович запел ту песню, которая подходила к данному моменту, к данной обстановке. И не ошибся. Он попал в самую точку. В самое сердце. Люди помнили ту «суровую осень сорок первого...»

«Журавли» стали его прощальной, его журавлиной песней.

...Настанет день, и с журавлиной стаей Я полечу в такой же сияющей мгле. Из-под небес по-птичьи окликай Всех вас, кого оставил на земле. «Журавли» — высокая песня. Реквием по когда-то живущим в этом мире. Песня-памятник. По душе пришла она народу.

III.

Недавно я видел, как предавали песню на глазах добрых четырех сотен людей.

Под «Журавлей»... танцевали. И не где-нибудь на окраинной вечеринке, а на одном из солидных собраний молодежи г. Читы.

Коллунгественно прозвучало в разгар танца обращение солиста к публике: «Эта песня в память о тех, кто не вернулся с войны. В память тех, кто погиб за Родину». Он все видел и не хотел остановиться. Он пел, выговаривая великие слова, и не понимал, какое наругательство совершает. Между прочим, этот солист имеет высшее педагогическое образование, но до сих пор не усвоил простой истины: что можно и что нельзя, что такое хорошо и что такое плохо.

В. ГАЛАКТИОНОВ.